

Рудольф Фурман

ИЗБРАННОЕ

РУДОЛЬФ ФУРМАН

ИЗБРАННОЕ

БОСТОН • 2026 • ЧИКАГО

Рудольф Фурман *Избранное*
Rudolf Furman *Selected Works*

Copyright © 2026 by Rudolf Furman

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-17-8 (hardcover)

ISBN 978-1-970342-18-5 (softcover)

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

🌐 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Book Design by Bagriy & Company, Chicago, IL © 2026

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

Моему читателю	15
Переплётчик	16
«Одиночеством грежу...»	17
«Есть в осени что-то от женщины...»	18
Определение мужества	20
«Глупая, какая ты глупая!..»	21
А. С. Пушкину	22
«Истосковалась женщина по ласке...»	23
Буря	24
Осенний этюд	26
Черновики	27
Осень в Павловске	28
Осенняя фантазия	30
«Был прост призвания сюжет...»	32
Моей любимой	33
«Отвыкаем от сказок...»	34
Незнакомке	36
«Мы ценить ещё не умеем...»	38
Песня тревоги	40
«Дождь пролился...»	42
«Хочу писать, хочу тревожить...»	43
Память	44
Весна	45
«Никто так не умеет ждать, как мать...»	46
«Жизнь — суета сует!..»	47

«Медведю заяц наступил на палец...»	48
Мама	49
«Ты на перрон воспоминаний...»	50
«Искусство время убивать...»	52
«Говорила берегу река...»	53
«Очень тихо вещи умирают...»	54
«Люблю я тайну женских рук...»	56
«Прийти домой. К тебе прижаться...»	58
Другу для любимой	59
Письмо сыну	60
«Берегите письма от любимых!..»	62
Белочка	63
Осень	64
«Что со мной происходит, не знаю...»	65
«Как этот дождь чертовски вкусен!..»	66
Совет другу	68
Воспоминания о наводнении	70
Друзьям	72
«Представь себе...»	73
Совесьть	74
«Палитру красок выплеснув на землю...»	76
Традиционный сбор	78
Суд памяти	80
«Все наши беды от того, что нелюбимы...»	83
Портрет А. Блока	84
Два восьмистишия	86
«Легла усталость на глаза повязкой...»	87
Диалектика	88
«Чем слаще жизнь, которой мы живём...»	90
«Мне не хватает для стихотворенья...»	91
«Бывает так: ни мысли, ни заботы...»	92
Август	93
«Я думать хочу о ночной тишине...»	94

Поле.	95
Акварель.	96
«Рассыпан на столе...»	97
«Чтоб превратиться в грязь, ещё вчера...»	98
«Морозы с позиций своих отошли...»	99
«Погашен свет. И дом затих, а тени...»	100
Июнь — 77	101
«И кто сказал: „Пришла пора упадка...“ »	102
Шторм.	103
Сентябрь в Крыму.	104
Озеро Караголь	105
Возвращение	106
«Приходим в мир с открытыми глазами...»	107
Афористическая смесь.	108
«Не уставай к пробелам возвращаться...»	109
«Не будет больше Пушкина и Блока...»	110
«Он не делим, мой город, в дальний путь...»	112
«Меняет время города лицо...»	113
«Старый лифт, открой мне дверь...»	114
Геометрия чувств	115
«От любопытства улицы мой двор...»	116
«Случайность встреч...»	118
Шутка Рембрандта	120
Баллада о городе.	122
Одностишия.	125
Песня дождя	128
«У каждой жизни есть её начало...»	129
«Со мной, во мне идет борьба...»	130
«Уже давно стихи я не пишу...»	131
Приглашение	132
Попытка объяснения	133
Противоборство	134
История любви	136

Рассказы

Время ожидания.....	139
Встреча.....	147
Наедине с собой.....	164
Первая любовь.....	168
Сутулый мальчик.....	174
Тень.....	181
Рядовой Семён Егорский.....	185

Посвящаю моему отцу

Так случилось в моей поэтической жизни, что мой отец, Мендель Юделевич Фурман, полковник советской армии, преподававший всю жизнь курсантам в артиллерийских училищах топографию и артиллерийскую разведку, был большим книголюбом и, будучи на пенсии, занимался спасением старых потрёпанных книг и учебников школьной библиотеки, где учился мой сын Кирилл, его внук. Он научился переплёту и стал их спасать. Я не знал, что в тайне от меня отец собирал и мои первые стихи, которые он переплёл в трёх книжках и дал название «Избранное». Эти его книжки я хранил всю свою жизнь и считал, что свои первые стихи я уже опубликовал в своих изданных семи книгах. Оказалось, что я ошибался, так как многие из них оставались неопубликованными и по моей вине жили только в трёх, созданных его руками. Теперь я решил исправить оплошность и, искупая вину перед отцом, издать их в новой моей книге, с добавлением нескольких последних неопубликованных стихов и рассказов.

Рано или поздно наступает время, когда прожитое и пережитое, и, казалось, начисто позабытое, неожиданно возвращается памятью души из далёкого прошлого, волнующе и зримо. И невольно поражаешься её способности хранить это пережитое в потайных закромах долгие годы.

СТИХИ

МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Я в какой-то чудной суматохе
распихал по страницам стихи:
те, что лучше, писал я на вдохе,
а на выходе — те, что плохи.

Потому, дорогой мой читатель,
трудно здесь разобрать, что к чему:
сам — редактор, поэт и издатель,
машинистка ещё ко всему!

Сей тираж баснословно огромный —
единица без всяких нулей.
Это значит — иль я очень скромный,
иль стихи мои много скромней...

И готов, мой читатель, помочь я
разобрать в них и почерк, и суть.
Изругай, изорви меня в клочья,
только вот равнодушным не будь!

ПЕРЕПЛЁТЧИК

Памяти моего отца

Он, мой отец, всегда немногословен,
хотя слова кипят подспудно в нём...
Он молчуном природой был устроен —
не каждому же быть говоруном.
Несут к нему затрёпаные книги,
хранящие следы десятков рук,
от книголюба и до прощальги.
Он этим книгам добрый, старый друг.
Слова и время даром он не тратит,
осмотрит седину почтённых книг,
привычными движеньями погладит,
как будто успокаивает их.
И скажет: «Так. Возьмёмся за работу,
попробуем от дряхлости спасти!» —
И он обманет время и природу,
он так сумеет их переплести,
Что снова силой дышат книги эти.
Иная, как невеста — под венец!..
Я раньше думал, нет чудес на свете,
Но как же то, что делает отец?!

* * *

Одиночеством грежу.
Оно по ночам даже снится.
С тишиной, как с любимой,
хочу я остаться вдвоём.
Как окно, занавешу
пытливые взгляды и лица,
своим мыслям отдамся,
забыв обо всех, обо всём.
Есть у каждого день,
когда надо, мучительно надо,
узел встреч и разлук чтоб распутать,
уйти в тишину.
Как прохладная тень, мне нужна тишина,
как ограда, за которой себя
я быстрее и лучше пойму.
Долго, знаю я, там
не хочу, не смогу оставаться,
потому что нужны мне и люди,
и вечный их шум,
потому что мне хочется с ними
и петь, и смеяться,
удивляться, любить
и раскрепощаться от дум!

Осень, 1967

* * *

Есть в осени что-то от женщины
отверженной, но любимой,
такой до безумия женственной,
единственной, неповторимой!

Живыми и тёплыми красками
укрылась она, как пледом,
осыпав всю землю ласками,
чтоб было тепло ей под снегом.

И грусть превозмочь не в силах,
заплачет, дожди роняя,
о первых своих морщинах,
о первой любви вспоминая.

Возможно, что не о первой,
а просто о настоящей,
о той, что приходит позже,
когда становишься старше.

И вся она — добрая мудрость
и зрелая прелесть чувств.
В ней — повзрослевшая юность,
избавленная от буйств.

В ней что-то от Анны Карениной
и что-то от Жанны д'Арк...
Простите, но нет больше времени —
уже закрывают парк!

Осень, 1966

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МУЖЕСТВА

Мужество — это человеческая красота,
это неподкупная честность,
скромность и суровая простота.
Это то, без чего человеку
до предательства — шаг,
это то, без чего человеку
нельзя никак!
Это необходимый человеческий атрибут.
Это — как вода, воздух, хлеб, труд!
Это умение голой правде
в глаза глядеть.
Это — ненависть к смерти
и добровольная смерть!
Это спокойная храбрость,
присутствие духа в беде!
Это то, чего часто
не хватает тебе и мне...
Мужество — поэма человеческой красоты!
Дай руку мне и будь со мной на ты!

Весна, 1966

* * *

*Девушке, отрезавшей свою
великолепную русую косу.*

Глупая, какая ты глупая!
Что ты сделала со своей красотой?!
Где коса твоя, так по-русскому русая,
где та женственность, милая,
что вилась за тобой?!

Потеряла ты молодость, не впитав её свежести,
обрела ты причёску на брудершафт
и друзей, у которых лживые нежности.
Потеряла всё чистое впопыхах.

Так для боженьки режут на Троицу ветки
распустившихся только весенних берёз.
Ставят их под иконы и делают веники,
чтобы парить бока свои в бане до слёз.

До чего же бессмысленно делают люди!
Шум двадцатого века до них бы донёс
вместе с ветром тревожным — тревожную мудрость
про бескрайнюю искренность русских берёз!

Весна, 1966

А. С. Пушкину

О, как ты ум волнуешь мой
своей певучестью и страстью!
Тебя читаю, будто к счастью
творить притронулся рукой.

Ты был любимцем вещей Музы.
Талантом всех околдовав,
ты все оковы расковал
и распахнул в искусство шлюзы!

Друзьям свободы был ты верен.
От них судьбою злой гоним,
ты в правоте их был уверен
и их призывы не забыл.

Любить свободу ты учил,
прокляв навеки царство рабства,
открыв поэзию бунтарства,
ты мир прекрасного открыл.

И, перечитывая вновь
стихами полные страницы,
тебе хочу я поклониться —
Поэту, пролившему кровь!

* * *

Истосковалась женщина по ласке...
Ей хочется хоть капельку тепла
и в зеркало смотреться без опаски,
и чтобы не спешила седина,
и чтобы от усталости не падать,
а прислониться к сильному плечу...
Не ведать горя, ну а если плакать,
чтоб слёзы счастья лились по лицу!
Быть одинокой — это ли не страшно?!
Взрослею я и понимаю ясно:
как мало нужно женщине для счастья...
как много нужно женщине для счастья!

Осень, 1966

РАССКАЗЫ

ВРЕМЯ ОЖИДАНИЯ

Разве мог кто-нибудь, да и она сама, предположить, что вот так, как сейчас, она, Леночка Соснина, красоте и жизнерадостности которой и в школе, и в институте завидовали девчонки, а мальчишки — тайно и откровенно, но влюблялись в неё, застынет перед зеркалом в горьком недоумении от того, что вся прежняя удачливость и уверенность куда-то исчезнут, жизнь не сложится, а одиночество станет неотступным спутником?

Стыдясь этих слёз, она отходит от зеркала, снимает серый костюм, который любит и в котором всегда «на выходе», как сегодня в театре, и чувствует себя великолепно, и, пройдя в ванную, намочив ладони под струёй холодной воды, прикладывает кончики пальцев к вискам, векам до тех пор, пока не начинает ощущать холод прикосновений.

Промокнув полотенцем лицо, набросив тёплый халат, она проходит в комнату, забирается с ногами на диван, вытаскивает из открытой пачки, лежащей на столике, сигарету и закуривает. Она уже не чувствует первоначальной тяжести, давившей на грудь, да и тепло халата и лёгкое опьяняющее действие сигареты почти окончательно возвращают её к обычному состоянию. И ей вновь хочется прокрутить в памяти этот вечер, только что перешедший в ночь, вечер, хорошо начинавшийся, но неожиданно изменивший своё настроение.

Потушив сигарету, откинувшись на спинку дивана, обняв плечи руками, она стала вспоми-

нать, как, зверски устав после суточного дежурства в клинике, где она работала врачом, пришла домой с одной мыслью — скорее поесть и добраться до дивана, на котором всегда уютно и, кроме отдыха, ни о чём не хотелось думать.

Но в этот раз, едва она успела поесть, раздался телефонный звонок. Ольгин голос, с небольшой хрипотцой, она узнала сразу. Подруга не терпящим возражения тоном предлагала Лене билет в театр на Фонтанке. Сама пойти не могла — заболела дочка, а у Виктора, мужа, срочная работа. «Жалко, пропадает билет, да ещё в такой театр, — говорила Ольга, — ещё успеешь подъехать ко мне и — прямоком в театр. Жду. Думать не дам. Пока». И повесила трубку. Энергичный, не терпящий возражений Ольгин голос заставил Лену превозмочь усталость, собраться, и через час она уже сидела в кресле партера и прислушивалась к лёгкому гулу, наполнявшему зал.

Спектакль ей понравился, несмотря на то что она была убеждена в режиссёрской ошибке, по чьей вине умирающая старуха Анна, попрощаться с которой съехали отовсюду взрослые дети, вскакивала то и дело со своего смертного ложа, чтобы сказать от имени автора очередную сентенцию. В этом было что-то неестественное, комическое, то, что превращало трагедию в фарс. Лене казалось, что если бы авторские слова произносились лежащей старухой, то это было бы органичней, не рвалась бы тонкая ткань актёрской игры и самого спектакля.

И тем не менее спектакль ей понравился, и настроение стало приподнятым. Выходя из театра, она поймала себя на мысли, что усталость куда-то

пропала, что на душе было легко и радостно и что она могла бы, наверное, выдержать ещё такое суточное дежурство, как прошедшее. «Печальная история, а почему-то легко и радостно», — думала она, неспешно двигаясь вдоль набережной Фонтанки, чёрное зеркало которой отражало огни верхних этажей зданий, стоящих прижатыми друг к дружке вдоль речки.

«Смерть старухи — тоже зеркало, только не такое чёрное, если в него заглянуть. Оно, точнее, поучительное не только для взрослых, но и для детей, потому что старуха не иконная, а живая, со своим материнским эгоизмом. И надо же, бесхитростность её младшего сына Михаила и его жены Нади сдвинули куда-то на второй план главную героиню, в то время как в распутинской повести она — первостепенный герой».

Эстамповая чёткость и свежесть ночного города, тёмной, без движения, реки придавали мыслям ясность и поддерживали в душе Лены доброе, приподнятое настроение, возникшее ещё в театре.

Она свернула с набережной и пошла по направлению к станции метро. Холодный воздух поздней безлиственной осени бодрил, заставлял ускорить шаги.

Спустившись в метро, Лена вошла в полупустой вагон, села и по многолетней привычке, выработавшейся в ежедневных поездках, уже было полезла в сумочку за книжкой, но передумала, стараясь подольше сохранить хорошее настроение, не стала её доставать...

Сейчас, сидя на диване, она вспоминала, что, пока ехала в вагоне метро, немногочисленные пассажиры входили и выходили на станциях, но

не было ни одного лица, которое могло бы запомниться, кроме одной пары, привлёкшей её внимание.

Она хорошо запомнила момент, когда в вагон вошла и села напротив интересная пара: красивая молодая женщина её возраста, а может, чуть старше, и мужчина с крупными чертами лица, некрасивыми в отдельности, но вместе очень удачно сложенными, как бы подчёркивая его открытое и спокойное выражение. На это лицо хотелось смотреть — оно к этому располагало. Мужчина сидел, слегка повернувшись к своей спутнице, смотрел на неё, и она неотрывно смотрела на него. Казалось, что между ними нет пространства, что они — одно целое. И от него, и от её больших чёрных глаз, от её лица, от безукоризненных линий фигуры, плотно одетой в бежевого цвета плащ, исходили, как с иконы, тонкие лучики счастья. Это было так явно, так осязаемо, что Лена поймала себя на мысли, что нехорошо подсматривать.

Но на неё не обращали внимания, и, не в силах подавить искушение, она продолжала смотреть на эту счастливую пару. В этой паре было что-то неординарное — и в том, как они держались друг с другом, и в каждом из них в отдельности. Лене казалось, что между этой женщиной и этим мужчиной не просто обычная, каждодневно встречающаяся любовь, а то редкое, подлинное, выстраданное чувство. И она уже не стесняясь смотрела на них неотрывно, пока они не вышли на одной из станций. Поезд резко набрал скорость и с грохотом влетел в мелькающий огнями туннель, а у Анны в памяти осталась эта счастливая пара, идущая рядом, уносившая с собой свой счастливый мир. С их уходом

исчезли и приятная лёгкость, и ясность настроения всего вечера...

Сейчас, сидя на диване, Лена старалась вспомнить, как добралась до своей квартиры, как вошла, но ничего припомнить не могла. Она искала и не находила оправдания внезапно происшедшей смене настроения. Она завидовала незнакомым счастливым людям и ничем, никакими ухищрениями укротить эту зависть, как ни пыталась, не могла.

Чувство какой-то ущербности преследовало её в последнее время всё чаще и чаще. Если раньше она считала, что это просто минутная слабость, что это постыдное чувство пройдёт, то в последнее время щемящая сердечная боль стала посещать её с нарастающим упорством, и отделаться от неё становилось всё труднее. Почему-то теперь не хватало сил сопротивляться её клейкой и обезоруживающей силе. Лена начинала ненавидеть себя за эту слабость, за неспособность подавить её в самом зародыше.

Внешние атрибуты одиночества не пугали её. Ей было безразлично, что говорят или будут говорить о ней, одинокой, тридцатилетней, подруги, друзья, сослуживцы, будут ли злословить или великодушно жалеть её. Нет, не это мучило её. Она молодая привлекательная женщина, ещё недавно уверенная в своём будущем счастье, которое не может не состояться, в последнее время почувствовала, что прежняя уверенность стала оставлять её, и до сих пор сдерживаемое желание не только почувствовать себя любимой, но и — главное — любить самой становилось душевной необходимостью.

Она всё чаще стала ловить себя на мысли, что где-то, на самом доньшке, сердце её начинает утрачивать способность учащённо биться от радости. Она прислушивалась к себе, разглядывала себя со стороны и всякий раз приходила к выводу: годы уходят, ничего не меняют, а только утяжеляют одиночество.

«Довольно привередничать, — торопили её годы, — время выбора уходит!»

«Какое отвратительное слово — „выбор“, как будто счастье любить и быть любимой можно выбрать...» — думала Лена.

Она не была ханжой, не избегала внимания мужчин, иногда даже сама шла им навстречу. Было всякое. Но ни разу среди волновавших её чувств она не находила главного — счастья любить, она ни разу его не испытала. Лгать себе она не могла, да и не хотела. Время выбора... Нет, её время — это время надежды дожить до времени любви. Это мучительно — ждать, когда ты молода, когда так не хватает рядом любимого человека, на которого можно было бы опереться. И ребёнок... Раньше она даже не предполагала, что так сильно можно желать ребёнка. Занятая работой, друзьями, она изредка, да и то отрешённо, думала о том, что когда-нибудь у неё будет ребёнок, но мысли о нём её не беспокоили.

Теперь же она с завистью смотрела на подруг, у которых были дети. Ей казалось, что она стала понимать тех женщин, которые ради того, чтобы иметь детей, испытать счастье материнства, идут на всё. Она не осуждала их, но для себя этот путь считала неприемлемым. Она не могла и не хотела поступиться ради счастья иметь ребёнка тем чи-

стым чувством, что составляло основу её отношения к жизни. Всё, что выходило за пределы этого чувства, отталкивало её.

Из всех подруг и друзей только Ольга понимала её. У неё было какое-то врождённое чувство понимания и, хотя Леночка никогда не говорила ей о своих переживаниях, Ольга же старалась мягко, незаметно приземлить её идиллию любви, подвести подругу к возможному и желательному компромиссу. Лена не сопротивлялась этому мягкому нажиму. Сама того не сознавая, постепенно она стала ему уступать, тогда как раньше не допускала даже минутной слабости, не то что её рецидивов.

«А может быть, Ольга права, — думала она, — может быть, я действительно себя такую бескомпромиссную выдумала? Быть может, я себя обманываю и живу этим, как надеждой? Можно ли жить без самообмана — не знаю, а вот без надежды — нельзя.

Распутинская героиня — старуха Анна — из повести, из театра — жила до тех пор, пока надеялась, что Таньчора приедет, но, в отличие от меня, она ждала живую, где-то живущую Таньчору, а я — неопределённого, неясного и, может быть, несуществующего любимого человека...»

Лена встаёт, подходит к окну, открывает форточку и застывает под потоком холодного ноябрьского воздуха, который ворвался в комнату, проник во все его поры и, насытив их, недвижно застыл.

Она продолжает стоять у окна, закутавшись в тёплый халат. Она смотрит в темноту ночи, представляет себе, как где-то, в этой ночи, на этой земле, в этом любимом городе, может, тоже изму-

ченный одиночеством, не спит человек, которому она, Леночка, необходима и который очень нужен ей. И она старается представить его, также стоящего у окна и смотрящего в темноту этой осенней ночи... Сколько раз она представляла его и сколько лет живёт он в её воображении?! Горькая усмешка трогает её губы. «Много, много лет, — думаем она, — и он уже не тот юноша, каким впервые когда-то возник предо мной, а возмужавший, много познавший в жизни мужчина... Мы изменились, не меняется только одно — одиночество, и, может быть, жизни нашей не хватит, чтобы найти дорогу друг к другу».

Лена закрывает форточку, но не отходит от окна, а продолжает смотреть в темноту, и ей почему-то вдруг остро хочется, чтобы пошёл дождь, чтобы его крупные капли забарабанили по оконному стеклу и, сливаясь друг с другом, скатывались вниз тоненькими зигзагообразными струйками.

Рудольф Фурман родился в 1940 г. в Ленинграде.
Живёт в Нью-Йорке с 1998 года.

Автор 7 книг поэзии:

«Времена жизни, или Древо души» (1994);

«Парижские мотивы» (1997);

«Два знака жизни» (2000);

«И этот век не мой...» (2004);

«Человек дождя» (2008);

«После перевала» (2013);

«О прожитом и пережитом» (2021).

В этой книге читателям представлены написанные в молодости стихи, которые никогда не публиковались, а также несколько стихов и рассказов поздних лет.

ISBN 978-1-970342-18-5

